

Православная мобилизация и политические идентичности в постсоветской Грузии

Одним из впечатляющих изменений, произошедших в общественной жизни Грузии за два последних десятилетия, стало повсеместное распространение религии, а именно – православия. Религия – главным образом, национальная церковь – оказалась в центре общественных дискуссий, освещения в медиа, а в последние годы ей посвящены все больше докладов НКО и аналитических центров. Как правило, они рассматривают связи между православием и политикой, возникающие в ходе использования церкви властями, властей церковью или их обеих третьей стороной – той самой «рукой Москвы»¹. Сегодняшняя аналогия отсылает к так называемой «византийской симфонии» – иерархии полномочий императора и патриарха в Византийской империи. На волне академического интереса к православию социологи и антропологи религии рассматривают повседневные практики и ставят

1 Подробнее о влиянии России и Русской православной церкви в Грузии см.: PAYNE D.P. *Spiritual Security, the Russkiy Mir, and the Russian Orthodox Church: The Influence of the Russian Orthodox Church on Russia's Foreign Policy Regarding Ukraine, Moldova, Georgia, and Armenia* // HUG A. (Ed.). *Traditional Religion and Political Power: Examining the Role of the Church in Georgia, Armenia, Ukraine and Moldova*. London: The Foreign Policy Centre, 2015; МАКАРЫСЧЕВ А., YATSYK A. *Biopolitical Conservatism and Pastoral Power: A Russia-Georgia Meeting Point* // Region. 2018. Vol. 7. № 1. P. 3–22; JÖDISKE A. (Ed.). *Religion and Soft Power in the South Caucasus*. London; New York: Routledge, 2018.

**ХРИСТИАНСКИЕ
ЦЕРКВИ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
РЕЖИМЫ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

под вопрос непрерывность религиозной традиции в советскую эпоху, изучают присутствие религии в социальных сетях, сельские религиозные практики и коллективные идентичности².

В этой статье рассматривается двусторонняя динамика – как сверху, так и снизу, – возникшая в результате центрального положения православия в политической культуре Грузии. Ставится задача не только объяснить рациональные и спланированные процессы, в которых элиты участвуют для достижения своих политических целей, но и ухватить все многообразие акторов, а следовательно, и способов использования православия. Если исследования по социологии религии нацелены на анализ процессов секуляризации и десекуляризации грузинского общества, то социология общественных движений помогает нам понять формы религиозной мобилизации и их воздействие на политическую трансформацию. В данной статье предпринята попытка историзировать процессы, повлиявшие на становление взаимоотношений между религией и политикой, – и таким образом преодолеть односторонность эссенциалистского и функционалистского подходов. Кроме того, мы пытаемся преодолеть статоцентризм путем помещения социальных феноменов современной Грузии в более широкий контекст консервативных мобилизаций.

Полевые исследования, проведенные на протяжении более чем двадцати лет, проливают свет на изменчивую природу отношений между религией – в случае Грузии православием – и политикой. Мы утверждаем, что с 1990-х сложились три способа их сочленения: мобилизация православия для национального строительства, для построения антиэлитарной народной идентичности и, наконец, для организации «крестовых походов» в защиту морали. Каждый из этих типов сочленения имеет определенных акторов, организационные формы и связи с политическими институтами. Эти три типа могут переплетаться и развиваться синхронно, однако каждый имеет тенденцию к доминированию на определенном этапе развития.

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Сильвия Серрано (р. 1964) – политолог, профессор советских и постсоветских исследований в Университете Сорбонна, научная сотрудница Лаборатории культур и обществ Восточной Европы, Балкан и Центральной Европы и Центра изучения русского, восточноевропейского и кавказского мира Высшей школы социальных наук (Париж, Франция). Автор книг «Géorgie. Sortie d'Empire» (2007) и «Orthodoxie et Politique en Géorgie post-soviétique» (2014).

РЕЛИГИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Первый тип сочленения религии и политики известен лучше всего и становится предметом анализа наиболее часто³. Как и

- 2 См., например: ZVIADADZE S. *Politik und Religion in Georgien, Die Beziehungen von Staat und Kirche und Säkularisierungsproblematik im postkommunistischen Georgien*. Hambourg: Verlag Dr. Kováč, 2014; GURCHIANI K. *How Soviet is the Religious Revival in Georgia: Tactics in Everyday Religiosity* // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. № 3. P. 508–531; ИДЕМ. *Georgia in-between: Religion in Public Schools* // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. № 6. P. 1100–1117.
- 3 См., например: SERRANO S. *L'Eglise orthodoxe géorgienne, un référent identitaire ambigu* // БАЛСИ В., МОТИКА Р. (Eds.). *Religion et Politique dans le Caucase post soviétique*. Paris: Maisonneuve et Larose, 2007.

в других бывших советских республиках, религия и местная церковь сыграли ключевую роль в национальном и государственном строительстве. Грузинская православная церковь является одной из древнейших: считается, что она получила автокефалию в 483 году. До начала Нового времени церковь играла ключевую роль в развитии, а затем и в сохранении собой культуры на территории, где с X века литургия ведется на грузинском языке. Эта культура и сопряженные с ней идентичности глубоко связаны с православием. В XIX и XX веках религия предоставила «глубокие культурные ресурсы» для национального движения⁴.

На протяжении последних тридцати лет церковь продолжала играть ключевую роль в переопределении нации. Канонизация поэта и одного из главных грузинских националистов Ильи Чавчавадзе 20 июля 1987 года стала основополагающей для нового государства⁵. После обретения независимости политические элиты и патриархия занимались совместным национальным строительством. В стране, где подавляющее большинство номинально является православным (по данным переписи 2014 года – 83,4%), патриархия поддерживала нарратив, постулирующий суперпозицию этнической и конфессиональной принадлежности. Она активно занималась обращением в христианство грузинских мусульман (в Абхазии) и католиков, а также агрессивно реагировала на любую миссионерскую деятельность на своей территории. Терпимо Грузинская православная церковь (ГПЦ)⁶ относится только к конфессиям, связанным с этническими меньшинствами, например, к Армянской апостольской церкви, к которой относят себя 3% населения страны. ГПЦ пытается изменить «культурный пейзаж», подчинив его собственному нарративу, и поэтому регулярно предъявляет права на здания армянских и католических церквей, препятствует восстановлению (или строительству) мечетей. Например, летом 2017 года она получила в собственность армянский храм Пресвятой Богородицы (Тандоянц) в центре Тбилиси⁷. Такие действия нередко приводят к всплескам напря-

P. 251–276; TEVZADZE G. *The Birth of the Georgian Nation. Identity and Ideology. Political and Societal Identities. Nationality and Religiosity* // *Identity Studies*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 5–21; LADARIA K. *Georgian Orthodox Church and Political Project of Modernization* // *Identity Studies*. 2012. Vol. 4. № 1. P. 107–117; AGADJANIAN A., JÖDICKE A., ZWEERDE E. VAN DER. *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. London; New York: Routledge, 2015; METREVELI T. *An Undisclosed Story of Roses: Church, State, and Nation in Contemporary Georgia* // *Nationalities Papers*. 2016. Vol. 44. № 5. P. 694–712.

⁴ SMITH A. *Chosen Peoples*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

⁵ ANDRONIK'ASHVILI Z., MAISURADZE G. *Sek'ularizatsia da sek'ularizatsiis bedi sakartveloshi [Secularisation and its Vicissitudes in Georgia]* // GHAGHANIDZE M., ZEDANIA G. *Sek'ularizatsia: k'ontsep't'i da k'ont'ekst'i [Secularisation: Concept and Context]*. Tbilisi: Ilya University, 2009.

⁶ Полное название: Грузинская апостольская автокефальная православная церковь.

⁷ *Government of Georgia Transferred Tandoyants Temple to the Orthodox Church*. Tolerance and Diversity Institute, 2017 (<http://tdi.ge/en/news/495-government-georgia-transferred-tandoyants-temple-orthodox-church>).

женности в отношениях с местным населением и соседними странами: в частности, имели место инциденты в ходе реставрации церкви в деревне Кумурдо на юге страны, где большинство населения составляют армяне⁸.

Патриархат также активно пытается символически переинтерпретировать историю и устанавливать новые ритуалы. За последние десять лет построено больше церквей, чем за всю историю грузинского христианства. Монументальные храмы в новосредневековом стиле изменили вид городов; таковы, например, храм Пресвятой Троицы (Цминда Самеба), открытый на бывшем армянском кладбище в 2004 году, или храм Иверской иконы Пресвятой Богородицы, построенный в 2019-м. Появились и закрепились новые обряды – например, шествие ста тысяч мучеников в честь христиан, не отрекшихся от веры, когда в XIII веке Тбилиси захватил персидский шах. Эти символические действия задают новые способы жизни и поведения «хорошего» грузина. Участие в процессии или паломничестве, коллективные молитвы перед началом учебного дня в школе или тренировками по борьбе в спортивных клубах стали новым способом выражения коллективной идентичности во время неопределенности и глубокого общественного раскола.

Вместе с тем в изобретении новых традиций политические деятели оказались ничуть не менее креативными, чем деятели религиозные. Крещение политиков и членов их семей стало публичным событием; на инаугурации президенты присягают на Библии. Религиозные праздники стали государственными, а в 2004 году сторонники Саакашвили добились утверждения в качестве государственного флага белого полотнища с пятью крестами, основанного на гербах средневековых героев. В 2019-м поддерживаемый католикосом-патриархом национально-религиозный миф обрел юридический статус после того, как правительство сделало 12 мая праздником «День Грузии – удела Пресвятой Богородицы»⁹.

Символическое укрепление грузинского государства сопровождается институциональным и материальным усилением церкви. Прописанный в Конституции принцип разделения церкви и государства постепенно утрачивает значимость. Подписанное в 2002 году конституционное соглашение между государством и церковью предоставляет последней существенные привилегии и облегчает передачу собственности, национализированной в советское время, посредством непрозрачных процедур. При Михаиле Саакашвили (2004–2012) расходы го-

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

8 *Confrontation Leaves Police Officers Injured in Akhalkalaki* // Civil Georgia. 2017. October 1 (<https://civil.ge/archives/218339>).

9 LOMSDAZE G. *In Times of Trouble, the Georgian Government Turns to Mother Mary* // Eurasianet. 2019. May 28 (<https://eurasianet.org/in-times-of-trouble-the-georgian-government-turns-to-mother-mary>).

сударственного бюджета на церковь увеличились в двадцать раз. Несмотря на сопротивление отдельных групп грузинского общества, церковь получила возможность влиять на школьную программу¹⁰, на семейную политику и на систему исполнения наказаний. 24 апреля 2009 года правительство Грузии и ГПЦ подписали совместный меморандум о «мерах, необходимых для обеспечения альтернативных наказаний для осужденных», предусматривающий возможность в отдельных случаях заменять тюремное заключение общественными работами при монастырях¹¹.

Символическое укрепление грузинского государства сопровождается институциональным и материальным усилением церкви. Прописанный в Конституции принцип разделения церкви и государства постепенно утрачивает значимость.

В 2014 году был создан первый орган, отвечающий за взаимоотношения государства и церкви, – Государственное агентство по религиозным вопросам; все его члены были православные, а председателя назначили по рекомендации католикоса-патриарха, тем самым символически исключив религиозные меньшинства. В 2017-м премьер-министр Георгий Квирикашвили публично поставил под сомнение принцип секуляризма, заявив, что «в классическом смысле» он не подходит для Грузии, так как в ней церковь и государство были «переплетены»¹².

Однако подобное стремление к гегемонии не находит широкой поддержки в грузинском обществе, которое весьма неоднородно и характеризуется запросом на демократизацию. Роль церкви в государстве и обществе стала одним из самых острых и конфликтных вопросов на политической сцене. В 2018 году Конституционный суд объявил неконституционными статьи Налогового кодекса, освобождающие от налога на добавленную стоимость расходы церкви на строительство, реконструкцию и роспись храмов, а также закон о государственной собственности, предусматривающий безвозмездную передачу госимущества церкви. Пытаясь сплотить общество, на практике ГПЦ внесла в него раскол.

10 GURCHIANI K. *Georgia in-between...*

11 См.: www.dep.gov.ge/8a.php?lang=1&id=27.

12 CSOs: PM Kvirikashvili's Church Statements «Irresponsible» // Civil Georgia. 2017. July 26 (<https://old.civil.ge/eng/article.php?id=30295>).

ПОПУЛИСТСКИЙ АСПЕКТ: ПРАВОСЛАВИЕ ПРОТИВ ЭЛИТ

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Второй вид сочленения религии и политики можно считать популистским в том смысле, что он поляризует отношения между народом и элитами, а также уравнивает разнородные общественные запросы без привязки к идеологии¹³. В контексте постсоветской Грузии православие оказалось у истоков того, что Эрнесто Лаклау называет «популистским разумом». Для Лаклау «относительную идеологическую простоту и пустоту популизма, которая нередко приводит к его отвержению со стороны элит, следует оценивать исходя из того, на что направлены эти процессы упрощения и опустошения, то есть какую социальную рациональность они выражают»¹⁴. Он призывает «не столько сравнивать идеи по содержанию, сколько исследовать их перформативные измерения»¹⁵.

В 1970-е религия выражала оппозиционное к режиму мировоззрение на всем коммунистическом пространстве. В Польше, например, церковь играла ключевую роль в борьбе с коммунистической системой. В Грузии диссиденты обращались к христианству, чтобы встать в оппозицию к государству, тогда как церковные власти его поддерживали. Один из видных диссидентов, Звиад Гамсахурдиа, восхвалял христианство, при этом критикуя патриархат за сотрудничество с советской властью. Обращения к святым мученикам, коллективные молитвы или зажжение свечей стали регулярным атрибутом протестных акций в конце 1980-х и оставались популярными при президентах Шеварнадзе (1992–2003) и Саакашвили (2004–2012).

Оппозиционный потенциал православия – независимо от позиции церкви – вновь оказался востребован после обретения Грузией независимости. «Пустота» и «простота», по Лаклау, то есть утеря православием специфического содержания, сделали его пригодным для различных форм мобилизации масс. [...] Чтобы понять отношения между православием и политикой, следует изучить социальные практики за пределами церковных институтов и принять к сведению автономия верующих. Детелина Точева в своей этнографической работе рассматривает не только практики, связанные с присутствием в церкви и соблюдением обрядов, но и то, как несколько российских приходов участвуют в повседневной жизни людей. Это позволило ей включить в свое исследование, например, экономическую деятельность прихожан¹⁶. Если расширить

13 LACLAU E. *On Populist Reason*. London: Verso, 2005.

14 Ibid. P. 14.

15 Ibid.

16 ТОЧЕВА D. *Intimate Divisions. Street-Level Orthodoxy in Post-Soviet Russia*. Münster; Berlin: LIT Verlag; Halle Studies in the Anthropology of Eurasia, 2017.

этот подход и проанализировать формы выражения религии в уличной жизни, можно понять, что дает отсылка к православию в социальном пространстве. Такой подход можно применить к конкретному грузинскому случаю – мобилизации вокруг религиозного объекта, иконы.

В апреле 1999 года в стране прошли демонстрации против проведения выставки собрания грузинских икон в нескольких американских музеях. Протестующие опасались, что если иконы отправят за границу (особенно чудотворную Анчийскую икону), то Грузия лишится исходящей от них защиты. Протесты в Тбилиси продолжались несколько месяцев. Мобилизация быстро охватила провинцию. В итоге в июле 1999-го на фоне неухаживающих протестов правительство приняло решение разорвать контракт с западными музеями¹⁷. Однако эта мера не разрешила конфликт, а лишь трансформировала его: группа, сложившаяся в ходе первой протестной кампании, «прихожане Анчисхати», потребовала вернуть выставленные в музеях иконы церкви. В последующие годы прошли различные акции – например, крестный ход к абхазской границе или отправка икон в грузинские диаспоры в Европе¹⁸.

Репертуар акций, известность участников и характер требований в ходе мобилизаций резко отличались от чисто политических демонстраций. Отношение активистов к церкви было весьма двусмысленным: они критиковали ее и одновременно рассчитывали на ее поддержку. Патриарх же либо дистанцировался от них, либо – в зависимости от обстоятельств – выражал некую поддержку. Несмотря на то, что протестующих обвиняли в том, что они стали игрушкой в руках политических сил, те не позволяли политикам присоединиться к своему движению.

Отсутствие известного лидера и низкий уровень организации характерны для обеих мобилизаций. Провинциальная молодежь, инициировавшая акции против выставки в 1999 году, по их окончании разошлась по домам и осталась практически анонимной. «Прихожан Анчисхати» возглавлял бывший звезда¹⁹ с ограниченными культурными и социальными ресурсами. Это движение объединило тех, кто пострадал от либеральных реформ. В последние годы среди участников музейных протестов часто можно встретить грузин, высланных из Европы.

В 1999 году первое требование – отмена выставки – постепенно переплелось с другими лозунгами, связанными с ростом

17 SERRANO S. *From Culture to Cult: Museum Collections and Religion in Contemporary Georgian National Discourses* // TSITSISHVILI N. (Ed.). *Cultural Paradigms and Political Change in the Caucasus*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. P. 275–293.

18 SERRANO S. *Orthodoxie et politique en Géorgie post-soviétique*. Paris: Karthala, 2018.

19 Сторонник первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдии. – *Примеч. перев.*

цен на энергоносители, геополитическим контекстом или покупкой поставщика электроэнергии американской компанией. Что касается «прихожан Анчисхати», то их требования передать иконы церкви сочетались с такими, как указание этнической принадлежности в удостоверении личности, отмена биометрических паспортов²⁰ и реинтеграция сепаратистских регионов Абхазии и Южной Осетии²¹. Демонстрация своего отношения к иконам была не просто использованием религии в политической борьбе: в православную тематику были включены разнородные политические ожидания, которые не могли быть озвучены в рамках политических институтов. Православие возродило внутренние разногласия между различными группами грузинского общества и стало механизмом идентификации в ходе антиэлитистских и антиинституциональных выступлений. Подобное конституирование идентичности – назовем его «народным единством» – даже важнее идеологического содержания требований: среди активистов кто-то поддерживал Национальное движение в ходе Революции роз, другие присоединились к оппозиции или вообще ушли из политики.

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Православие возродило внутренние разногласия между различными группами грузинского общества и стало механизмом идентификации в ходе антиэлитистских и антиинституциональных выступлений.

Эти мобилизации иллюстрируют то, что Лаклау называет «популистской практикой сочленения» (*populist articulatory practice*). Неисполненные разнородные социальные требования сплетаются в сложные тождества благодаря пустому означающему. Пустое означающее – элемент сложного тождества, которое представляет его в полном объеме, тем самым позволяя сочленять отдельные требования (отказ от выставки, передача конфискованных произведений церкви, цены на электричество, отмена биометрических паспортов и так далее). Православие создает пустое означающее, в котором переплетается набор неисполненных требований, имеющих разную природу, но при этом эквивалентных. Объединение различных требований в стабильную смысловую систему приводит к «конструированию народной идентичности, которая качественно является чем-то большим, чем простая сумма эквивалентных связей»²².

20 Звиададзе С. *Почитание преподобного Габриэла: институционализация народной религии и ее политическое измерение в Грузии* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 226–254.

21 См., например: www.bolojamze.ge/xelmocerebi-forma.htm.

22 LACLAU E. *Op. cit.* P. 77.

Политическое значение религии в посткоммунистических общества часто называют загадкой, ведь репрессии в отношении религии разрушили механизмы передачи религиозного знания и практик. Однако мы считаем, что утрата специфического содержания православия значительно усилила его потенциал как пустого означающего. Исследования религии в советских обществах показали, что религия не раз мобилизовывалась для использования в политическом дискурсе как раз из-за недостатка знаний о ней или безразличия к конкретному религиозному содержанию после длительного периода ослабления религиозных практик. Как указывает Антонела Капель-Погазан для случая Румынии, религиозное «по-другому высказывает то, что говорится где-то еще» или, другими словами, «то, что больше никак не сказать». Эти «множественные апроприации религии приводят к тому, что она утрачивает внутреннее содержание, что позволяет мобилизовать ее в других регистрах (например в борьбе с коррупцией)»²³. В Грузии социальная эффективность религии коррелировала с пластичностью и полисемантической того, что через нее выражалось, причем полисеманτικότητα только возрастала, поскольку ее собственные означающие были размыты. Религиозное возрождение часто коррелирует с деполитизацией населения, однако анализ двух этих мобилизаций позволяет увидеть феномен – пусть хрупкий и ограниченный – реполитизации путем широкой апроприации православия.

Однако в последующие годы эта политизация посредством религии привела к политизации самой религии как смысловой системы, созданной путем сочленения требований, выраженных в ходе этих мобилизаций. Модернизационный проект Саакашвили имел своей целью не только освободить страну от российского влияния, сблизиться с НАТО и построить безраздельный неолиберализм посредством радикальных реформ – его целью была также и антропологическая трансформация, которая позволила бы грузинскому обществу закрепить в себе онтологическую идентичность демократического европейского государства. Цивилизационная миссия и «самоориентализм» политических элит, пришедших к власти после Революции роз (2003), а также массовое охлаждение к их программе несколько лет спустя из-за того, что реформы не смогли решить проблему бедности большинства населения Грузии, привели к тому, что два противоположных политических лагеря стали определяться как «либералы» и «традиционалисты».

23 CAPELLE-POGACEAN A., MICHEL P., PACE E.P. *Religion(s) et Identité(s) en Europe*. Paris: Les presses de Sciences Po, 2008. P. 198.

ОТ РЕЛИГИИ К ЦЕННОСТЯМ

Третий вид сочленения православия и политики проистекает из перехода общественной дискуссии в формат «крестового похода» в защиту морали²⁴. От двух первых видов сочленения его отличают специфические организационные формы и стабилизация идеологического содержания, что является результатом внутреннего политического развития, а также транснациональных процессов.

Социологи религии знают, как трудно оценить соответствие повседневных практик религиозным предписаниям, поскольку изменения, связанные с религиозными убеждениями (если таковые вообще имеют место), проявляются постепенно в течение длительного времени. Однако один из парадоксов в отношении общества к ГПЦ состоит в том, что, несмотря на высокий уровень доверия к этому институту, о чем говорят многочисленные опросы²⁵, а также заметную роль религии в общественной жизни, влияние церкви на поведение конкретного человека весьма ограничено. ГПЦ позиционирует себя как моральный авторитет, пытаясь усилить свою роль в грузинском обществе, но оно остается секулярным во многих отношениях.

Семья и демографическая ситуация не новая тема для католикоса-патриарха, она играла центральную роль в его посланиях еще в советский период²⁶. Однако в последнее время в новом виде они стали частью более широкого дискурса о «традиционных ценностях», которые необходимо защищать от угроз, исходящих от «деградирующего Запада». По мере развития нравственных «крестовых походов» к этому списку добавлялись новые элементы. В этом виде сочленения религии и политики участвует несколько иная категория общественных акторов, преследующих другие цели.

Католикос-патриарх выступает за рост рождаемости²⁷, что похоже на ситуацию и в других православных культурах – России и Греции. В 2008 году он запустил кампанию, призывающую родителей иметь трех детей, и пообещал собственноручно крестить третьего ребенка в любой семье. Он также призывал эмигрантов вернуться в страну с целью увеличения населения²⁸.

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

24 ВЕКЕР H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press, 1973.

25 Доверие уменьшилось в последние годы, но все равно остается высоким. Например, по данным исследования, опубликованного осенью 2019 года, 70% населения доверяют религиозным институтам (сумма ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю»): *Caucasus Barometer 2019 Georgia* (<https://caucasusbarometer.org/en/cb2019ge/downloads>).

26 Илия II был избран католикосом-патриархом в 1977 году.

27 ANASTASSIADIS A. *Religion and Politics in Greece: The Greek Church's Conservative Modernization in the 1990s* // Questions de Recherche du CERL. 2004. January (www.sciencespo.fr/cerl/en/content/religion-and-politics-greece-greek-church-s-conservative-modernization-1990s).

28 Патриархат создал летние лагеря «Самшобло» («Отечество») для грузинских детей из диаспоры.

Однако обе эти инициативы если и имели какой-либо эффект, то весьма ограниченный. Кроме того, католикос-патриарх выступает против абортот. Статистика абортот в Грузии долго была самой высокой в мире: в среднем более трех на одну женщину. Тенденция к снижению наметилась в 1999 году из-за уменьшения числа незапланированных беременностей благодаря более широкому применению контрацептивов²⁹. ГПЦ выступает против абортот еще с советских времен, однако эффект этих выступлений так же невелик и никак не сказался на развитии здравоохранения. В 2013 году католикос-патриарх призвал запретить абортот законодательно, назвав их «преступлением против невинного создания»³⁰.

С появлением новых реалий он призвал запретить искусственное оплодотворение и суррогатное материнство. Центральной же темой выступлений главы ГПЦ стали гомосексуальность и «теория гендера»³¹. Гомосексуальность для Илии II – «извращение сексуальных отношений, являющееся тяжким грехом», и ее «пропаганда и публичное проявление – болезненное испытание для всего народа»³². Описывая гомосексуальность как «содомский грех», католикос-патриарх оправдывает анти-ЛГБТ активистов, в том числе среди духовенства. Он называет семьей исключительно союз мужчины – защитники и кормильца – и покорной ему женщины, которая занята домашним хозяйством и воспитанием детей.

Помимо кампаний, связанных с семейными ценностями, ГПЦ и православные активисты выступают за запрет культурных событий, которые, по их мнению, противоречат традиции³³. С недавнего времени они стали еще высказываться и против мигрантов-мусульман.

По словам французского социолога Лилиана Матье, «крестовые походы» в защиту морали – это борьба за монополию на

29 Статистика абортот на постсоветском пространстве в целом высокая. Ограничения на абортот в Советском Союзе были отменены в 1920-е, позже они были запрещены при Сталине и снова легализованы в 1955-м. В Грузии абортот разрешены без ограничений в первые 12–14 недель беременности. Прерывание беременности на более поздних сроках возможно лишь по медицинским показаниям или особым обстоятельствам – таким, как изнасилование или инцест. SHKVLADZE N. *Martlmadidebel morts'muneta ojakhuri paseulobebi da demograpiuli orient'atsiebi* [Family Values of Orthodox Believers and Demographic Trends]. Диссертация, защищенная в Институте демографических и социологических исследований при Академии наук Грузии, 2007 год (<http://dSPACE.nplg.gov.ge/bitstream/1234/143308/1/Disertacia.pdf>).

30 *Easter Preach* (www.patriarchate.ge/?action=news_show&mode=news&id=757).

31 Об отношении православия к гомосексуальности см., например: CARTOCEA S. *Orthodoxie, morale et politique. Le cas de l'Église orthodoxe roumaine face à la dépénalisation de l'homosexualité* // FORËT F. (Dir.). *L'espace public européen à l'épreuve du religieux*. Bruxelles: Institut d'études européennes; Editions de l'Université de Bruxelles, 2007.

32 *В Грузии отменили акцию «Все различны – все равны»* // Кавказский узел. 2007. 24 июля (www.kavkaz-uzel.ru/articles/119456/).

33 Такое случилось в 2006 году с фильмом «Код да Винчи», романами о Гарри Поттере; в 2008-м – с театраллизованной постановкой о жизни святого Георгия, отмечанием Хэллоуина, фестивалями электронной музыки и так далее. Подробнее см.: SERRANO S. *Orthodoxie et politique en Géorgie post-soviétique*.

производство глобальных смыслов, которые определяют повседневную жизнь, а также попытка противодействовать этическому плюрализму, характерному для современных обществ.

«Если посмотреть на нравственные “крестовые походы” исходя из того, в каких отношениях они состоят с другими мобилизациями (главным образом, хотя и не исключительно, антагонистическими), то можно определить, как их взаимосвязь влияет на формы, ритмы и ставки их деятельности»³⁴.

В самом деле, увлечение патриархата защитой «традиционных ценностей» развилось в специфическом историческом контексте: другие группы с транснациональными связями – как внутри Грузии, так и на международном уровне – вынесли на обсуждение социальные проблемы. Кампании ГПЦ возникли в плюралистическом пейзаже, поэтому их следует анализировать, учитывая связи с другими социальными движениями и аналогичные ситуации в других странах.

«Крестовые походы» в защиту морали – это борьба за монополию на производство глобальных смыслов, которые определяют повседневную жизнь, а также попытка противодействовать этическому плюрализму, характерному для современных обществ.

Международные организации сыграли ключевую роль в переопределении и включении в повестку отдельных социальных проблем, а следовательно, и в том, как к ним относятся на политической арене. Например, начиная с 2011 года Фонд ООН в области народонаселения отмечает широкое распространение селективных аборт в Закавказье и ставит вопрос о контроле и ограничении абортов, что изначально не вызывало особых разногласий. Включение прав сексуальных меньшинств в повестку программ демократизации привело к политизации проблемы гомосексуальности со стороны близких к патриархату групп, которые заявили, что эта тема привносится извне. Декриминализация гомосексуальности в Грузии произошла на фоне ее вступления в Совет Европы – под сильным международным давлением и без публичных дебатов. Из-за этого отдельные сегменты грузинского общества могут считать ее унижительной. Первая успешная мобилизация православных групп по вопросу сексуальной ориентации состоялась в 2007 году, когда было за-

34 MATHIEU L. *Repères pour une sociologie des croisades morales // Déviance et Société*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 3–12.

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО
ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

планировано мероприятие под названием «Все различны – все равны» под эгидой Совета Европы. Патриархат немедленно потребовал запретить его, утверждая, что оно оскорбляет религиозные чувства «абсолютного большинства» верующих³⁵. Из-за давления церкви мероприятие было отменено. Однако вопрос снова встал в 2010 году, когда на Парламентской ассамблее Совета Европы обсуждался текст о «дискриминации на основании сексуальной ориентации и гендерной идентичности». Представители четырех «традиционных конфессий» (помимо ГПЦ, это Армянская апостольская церковь, Апостольская нунциатура от имени Святого престола, Духовное управление мусульман) подписали документ, выражавший несогласие с этим законопроектом. Православные организации боялись, что местные НКО, такие, как «Институт свободы», готовят закон о легализации однополых браков. В 2014 году ГПЦ выступила против антидискриминационного закона, указывая на то, что там есть отсылки к «гендерной идентичности». Илия II был против включения этого понятия, а также термина «сексуальная ориентация», так как, по его словам, их нет в Конституции Грузии. В ходе парламентских дебатов один священник попросил депутатов руководствоваться «своей культурой и нравственностью», а не «рекомендациями» Комиссии Евросоюза по вопросам добрососедства и переговоров о расширении³⁶.

Местные НКО начали активно включать в общественную повестку вопросы гендерного равенства и права сексуальных меньшинств, при этом пытаясь повторить то, как действуют аналогичные организации за рубежом – возможно, из стратегических соображений, чтобы получить их поддержку, а возможно, просто из солидарности. Так вышло с акцией в Тбилиси в Международный день борьбы с гомофобией, трансфобией и бифобией 17 мая 2013, когда священники и православные активисты атаковали демонстрантов.

В отличие от описанных выше мобилизаций, структура защиты «традиционных ценностей» была связана с организованными политическими активистами. Среди них первыми оказались гражданские организации, формально или неформально связанные с патриархатом, вроде «Давитиани», занимающейся патриотическим воспитанием православной молодежи, или Ассоциации православных родителей, выступающей за введение религиозного образования в школах. В последнее десятилетие возникли чисто *политические* движения, которые критикуют Запад и социальный либерализм и увязывают нравственность с геополитической позицией. Именно они задействуют весь

35 В Грузии отменили акцию «Все различны – все равны».

36 *Orthodox Clerics Leave Parliament in Protest against Anti-discrimination Law* // Tabula. 2014. April 29 (www.tabula.ge/en/story/82698-orthodox-clerics-leave-parliament-in-protest-against-anti-discrimination-law).

ассортимент политических акций – от институциональных политических игр, уличных протестов до физических угроз. Инициативные группы выступают за законы о запрете абортов, однополых браков и о защите оскорбленных чувств верующих. На парламентских выборах 2016 года коалиция, построенная на основе «Альянса патриотов», с антизападной программой и требованием защиты традиционных православных ценностей и грузинской идентичности, преодолела пятипроцентный барьер и прошла в парламент.

Летом 2017 году неформальные движения показали свою силу, организовав «грузинский марш» по модели «русских маршей». Участники прошли с иконой Давида Строителя по одноименной улице в знак протеста против мигрантов-мусульман. Насилие в отношении религиозных меньшинств – давно не новость в Грузии. Оно процветало еще 1990-е – например, в отношении Свидетелей Иеговы³⁷. Сейчас защитники национальных ценностей переключились на любые группы, которые не разделяют их убеждений, и склонны к решению спора силой. Участие священников в атаках на ЛГБТ-активистов в мае 2013 года и отказ католикоса-патриарха осудить это насилие открыли дорогу радикальным акциям. В ноябре 2019-го группы православных активистов собрались перед шестью кинотеатрами, где проходил показ фильма «А потом мы танцевали» о романе между двумя танцорами из ансамбля народных грузинских танцев, чтобы сорвать премьеру. Приехавшая полиция действовала пассивно, несколько зрителей пострадали. Другой формой подобной деятельности стало самоуправство: несколькими месяцами ранее Леван Васадзе пообещал создать «гражданские бригады» для борьбы с «глобалистскими собаками», которые разрушают грузинскую культуру³⁸.

«Крестовые походы» в защиту морали собирают людей разного социального происхождения, в том числе представителей состоятельных экономических элит. Под православными знаменами сейчас оказались ветераны Афганистана и войн 1990-х; бывшие сотрудники силовых структур, ностальгирующие по советскому величию (таков «Альянс патриотов»); диаспора и предприниматели, разбогатевшие в России; разочаровавшиеся бывшие сторонники Саакашвили и неофашисты (таков был «грузинский марш»).

Это гетерогенные группы, большинство которых активно выступают в социальных сетях. Они часто раскалываются и реорганизовываются, но ядро составляет ограниченное число ак-

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

37 Адельханов Э. *Факты нарушения свободы вероисповедания в Грузии // Роль православия и государства в обществах Грузии и России. Материалы грузино-российской конференции.* Тбилиси, 2004.

38 PUSHAW C. *Don't Underestimate the Threat of Georgia's «Knight in Shining Armour»* // New Europe. 2019. June 18 (www.neweurope.eu/article/dont-underestimate-the-threat-of-georgias-knight-in-shining-armor/).

тивистов, которые, несмотря на разнообразное происхождение, близки к патриархату и к каналам, по которым приходит финансовая поддержка из Москвы. Например, директором «Евразийского института» является Нана Девдериани – племянница католикоса-патриарха Давида V (1972–1977). Вместе с Малхазом Гулашвили, основателем пророссийской медиа-группы «Georgian Times», они создали «Православное народное движение». Во главе «Грузинского выбора» стоит член совета директоров ассоциации «Иракий II» (названной в честь царя, отдавшего свои земли под покровительство России в конце XVIII века). Лидер «Грузинской идеи» Леван Чачуа является бойцом «Союза православных родителей».

Православные активисты пользуются явной и неявной поддержкой Москвы, а их деятельность чрезвычайно важна для российской пропаганды; они часто копируют инициативы своих российских коллег (закон о защите чувств верующих, запрет гомосексуальной пропаганды и так далее). По этой причине противники часто обвиняют их в том, что они созданы и контролируются Кремлем. Либералы так же считают церковь агентом российского влияния. Многие грузинские священники действительно учились в России. Грузинская церковь часто согласует свою позицию с Московским патриархатом, например, когда она отказалась от участия во Всеправославном соещании на Крите в июне 2016 года.

Однако защита «традиционных ценностей» – часть более широкого движения. Это результат объединения множества консервативных институтов, находящихся в разных странах и являющихся «моральными активистами»³⁹. Русская православная церковь – лишь один из многих подобных институтов наряду с другими православными церквями и консервативными христианскими группами в Европе и США. Они действуют по всему миру, о чем свидетельствует тот факт, что им удается мобилизовываться с одинаковыми инициативами в разных странах: будь то требование конституционного запрета однополых браков (например в Румынии и Армении) или закон о защите чувств верующих (как в России).

Леван Васадзе – типичный представитель подобного рода акторов в глобальном пространстве: богатый бизнесмен, сколотивший свое состояние в России, он превосходно говорит по-английски и вхож в американские неоконсервативные круги. Васадзе носит традиционный грузинский костюм, называет себя защитником грузинской церкви и традиций, участвует в евразийском движении Александра Дугина, но при этом поддерживает отношения с американскими евангелистами вроде

39 Стоеcki K. *The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur // Religion, State and Society*. 2016. Vol. 44. № 2. P. 132–151.

Пэта Робертсона. С его помощью Васадзе организовал Всемирный конгресс семей в Тбилиси в 2016 году.

Православие стало частью транснационального христианского неоконсервативного популизма, а в грузинском контексте – вектором его локальной реализации. Идеи, исторические отсылки и репертуар акций блуждают в транснациональном пространстве в разных направлениях – например, из России или США в Грузию. Кроме того, группы и индивиды могут интерпретировать и использовать подобные отсылки безотносительно к их изначальному смыслу. Например, на оружии убийцы из Крайстчерча, который напал на мечеть в Новой Зеландии в марте 2019 года, были нанесены имена героев грузинского национального пантеона – Давида Строителя и Давида Сослана.

СИЛЬВИЯ СЕРРАНО

ПРАВОСЛАВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Православие стало частью транснационального христианского неоконсервативного популизма, а в грузинском контексте – вектором его локальной реализации. Идеи, исторические отсылки и репертуар акций блуждают в транснациональном пространстве в разных направлениях.

Выстраивание общественной дискуссии вокруг ценностей разделило грузинскую политическую арену на «традиционалистов» и «либералов». В результате политические дискуссии сфокусированы на самых острых вопросах, что только усиливает поляризацию, затмевая темы, относительно которых правящая партия и оппозиция придерживаются схожих взглядов. Такая ситуация приводит к тому, что, с одной стороны, защита церковью национальных ценностей позволяет ей претендовать на центральное положение в общественной жизни, а с другой стороны, создает вокруг нее беспрецедентные скандалы: например, на заседании Синода в октябре 2019 года митрополит Чкондидской епархии обвинил католикоса-патриарха в «одержимости грехом мужеложества и педерастии» перед пораженными журналистами.

* * *

Мы назвали три идеальных типа отношений между религией и политикой в современной Грузии: православие, способствующее национальному строительству, антиэлитарной полярности

зации и политической реконфигурации вокруг социальных проблем. Изучение отношений между религией и политикой обычно сосредоточено на институтах и активистах движений «защиты идентичности», однако эти три идеальных типа были выделены на основании рассмотрения низовых акторов, а следовательно, всего разнообразия идеологически-религиозного предложения.

Эти идеальные типы связаны со специфическими политическими конфигурациями, что позволяет пойти дальше эссенциалистских и культуралистских моделей, например, теорий «цивилизаций». Скорее их следует понимать в свете исторической и сравнительной социологии государственного строительства. Они отражают пластичность политического использования православия – пластичность, связанную с утратой предыдущих религиозных знаний и практик. Конструирование политической сцены на этнорелигиозном материале совпало с упадком религиозных практик и веры в церковные догматы. Политико-религиозные реконфигурации, описанные выше, свидетельствуют скорее о размывании границ между разными социальными полями, чем о тенденции к секуляризации или десекуляризации.

Перевод с английского Петра Серебряного